

УДК 343.23.01

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (теоретико-правовой анализ)

К.В. Рылов, аспирант

Обращаясь к генезису развития доктрины уголовно-правовой ответственности за неоконченное преступление, необходимо уделить отдельное внимание вопросу об эволюции модели неоконченного преступления в советском уголовном праве. Изучение русского права и важнейшей его составляющей – уголовно-правовых норм – начинается с главных источников и памятников права того времени. При этом известные ученые Д.Я.Самоквасов, В.И.Сергеевич, М.В. Владимирский-Буданов и другие ставили задачу изучения развития как самой системы русского права, так и отдельных институтов уголовного права путем генетического исследования первоначальных норм, их сравнительного и исторического анализа¹. Вместе с тем реальное предпочтение при изучении содержания и правовой сущности уголовно-правовых норм отдавалось догматическому методу, который считался универсальным. Но использование догматического метода было направлено на изучение памятников русского права в целом, а не отдельных правовых институтов. При этом основное внимание уделялось не столько правовой природе карательных норм, сколько их политическому обоснованию и достоинствам национальной правовой системы. В результате использования генетического метода, не выходящего за рамки догматического подхода, институт неоконченного преступления в трудах русских ученых

дореволюционного периода по существу остался неисследованным.

Анализируя исторические тенденции развития законодательных норм о неоконченной преступной деятельности, следует отметить, что в русском законодательстве отражена тенденция привлечения к ответственности лиц, «обнаруживших преступную волю и покушавшихся совершить преступление». А также в раннем законодательстве различались признаки оконченного и неоконченного преступления, хотя и наблюдались разночтения. Одни исследователи усматривали в данной норме признаки покушения (П.С.Ракитин), другие считали, что закон предусматривает (т.е. допускает) возможность добровольного отказа от совершения преступления (И.А.Исаев).

Однако такого рода допущения выходят за рамки законодательного текста, т.к. здесь отсутствуют понятия приготовления, покушения и добровольного отказа. Толкование норм проводится без учета особенностей правового сознания их составителей. Законодатель не выделяет стадий совершения преступления и не дифференцирует виды покушения. Равным образом подобный подход делает непонятными уголовно-правовые нормы раннего законодательства.

В дальнейшем развитие доктрины уголовного права об ответственности за неоконченное преступление получило продолжение в законодательстве

о привлечении к наказанию виновного лица в связи с обнаружением умысла, приготовлением и покушением на преступление. Вместе с тем правовое сознание не было настолько развитым, чтобы сформулировать в нормативных актах столь сложные правовые понятия.

На любых этапах развития неоконченные преступления рассматривались и наказывались как оконченные деяния. Приготовление к преступлению и покушение на преступление не выделялись и различие между ними не проводилось. Но, несмотря на определенные недостатки, исследователи отмечают тенденцию развития и совершенствования норм раннего законодательства².

Достижения криминалистов классической школы были отвергнуты после революции 1917 года. Тем самым была нарушена преемственность взглядов в уголовно-правовой науке. Многие институты уголовного права были исключены из советского законодательства как наследие прошлого. Обобщенные признаки предварительной преступной деятельности формировались путем издания различных обращений СНК, постановлений ВЦИК, отдельных декретов, предусматривающих уголовную ответственность за конкретные составы преступлений. Например, согласно постановлению ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» уголовной ответственности подлежали в том числе и лица, которые лишь пытались присвоить себе эти функции.

Приготовление к преступлению и покушение на преступление не разграничивались и уголовная ответственность устанавливалась за предварительную преступную деятельность в целом. Однако в последующих нормативных актах на этот счет делались специальные указания. В декрете СНК

«О взяточничестве», например, предусматривалось, что «покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление»³. Покушение на преступление выделялось из предварительной преступной деятельности как самостоятельный вид и устанавливался принцип наказуемости покушения как оконченного преступления. Однако институт стадий преступления в этот период еще не получил должного развития⁴.

Впервые законодательные предписания о стадиях преступной деятельности были даны в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., закрепивших понятия приготовления и покушения (ст.ст. 18,19). При этом, согласно ст. 20 Руководящих начал, «стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника»⁵. Приготовлению и покушению не придавалось самостоятельного значения, т.е. отрицалась необходимость учета полноты осуществления преступного намерения при назначении наказания. Однако суд мог учесть степень завершенности опасного деяния в связи со всеми обстоятельствами дела.

Окончательно были закреплены понятия «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление» в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. При этом ответственность была установлена лишь за покушение, а в соответствии со ст. 12 УК РСФСР приготовление каралось лишь в том случае, если оно само по себе являлось наказуемым действием. В 1923 г. редакция ст. 12 была изменена и суду было предоставлено право в отношении лиц, причастных к приготовлению общественно опасного деяния и признанных социально опасными, принять меры социальной защиты.

Далее, Основные начала уголовного законодательства СССР 1924 г. от-

казались от понятий приготовления и покушения. Взамен была дана общая формула предварительной преступной деятельности и выделено преступление начатое, но не доведенное до конца⁶.

В соответствии с концепцией «предварительной преступной деятельности» УК РСФСР 1926 г. говорил о приготовлении и покушении, не противопоставляя их друг другу. Дефиницию покушения уголовный закон не содержал, а приготовительными признавал действия, выражающиеся в приискании средств и создании условий преступления. В соответствии со ст. 19 УК РСФСР приготовление и покушение наказывались как оконченное преступление. При этом не предусматривалось обязательное смягчение наказания в тех случаях, когда преступная деятельность не привела к преступному результату. Но судам надлежало учитывать степень общественной опасности лица, совершившего предварительное преступное деяние, и степень реализации преступного плана.

Отметим, что доктрина уголовного права рассматривала приготовление и покушение в качестве стадий развития преступной деятельности. Вопрос был дискуссионным и решался по-разному. Одни ученые предлагали не выделять стадий вообще, т.к. приготовление и покушение «сливаются» в понятие деятельности, направленной, но не достигшей преступного результата (А.Н. Трайнин, Г.И. Волков). При этом внутри предварительной деятельности допускались различные этапы и грани, которые подлежали учету в каждом конкретном случае, и это относилось к компетенции суда, а не законодателя.

По существу, противники разграничения приготовления и покушения, усматривая в качестве основания наказуемости предварительной преступной деятельности обществен-

ную опасность лица, проповедовали принцип объективного вменения. Опасность такого подхода понимали те ученые, которые отстаивали дифференцированный подход к предварительной преступной деятельности. Так, А.С. Шляпочников подчеркивал, что решение вопроса о стадиях преступления должно базироваться исключительно на опасности личности преступника в отрыве от совершенного им действия, и предлагал исключить уголовную ответственность за приготовление в тех случаях, когда оно не составляет самостоятельного деликта⁷. Сходную позицию занимал С.В. Познышев, который считал, что действия, создающие угрозу интересам людей и государству, должны рассматриваться не как приготовление к другим преступлениям (*delictum graerogatum*), а как самостоятельные преступления (*delictum sui generis*)⁸.

Фактически понятие «приготовление» в науке уголовного права не вызывало разногласий, дискутировалась в основном проблема наказуемости приготовления. Имело место даже деление покушения на оконченное и неоконченное (ст. 13 УК РСФСР 1922 г.). Неоконченным покушение считалось тогда, когда лицом не выполнено то, что необходимо для приведения преступного деяния в исполнение или когда, несмотря на выполнение предварительных действий, результат не наступил по независящим от него причинам. Это законодательное установление воспринималось по-разному. По большей части деление покушения на оконченное и неоконченное признавалось не имеющим практического значения, так как оно не влияло на меру наказания и не могло учитываться при решении вопроса о добровольном отказе от преступления.

Немало разногласий вызывало также покушение негодными средствами на негодный объект. Некоторые ученые (С.В. Познышев, Э.Я. Немиров-

ский) признавали такого рода покушения ненаказуемыми. А.Н. Трайнин также считал, что «там, где лицо и его действия по конкретным обстоятельствам дела не представляют социальной опасности, там, естественно, применение санкции за негодное покушение нецелесообразно»⁹. Критерием, помогающим суду разрешить вопрос о социальной опасности и мере социальной защиты, по мнению автора, являлась степень годности избранного к преступлению пути. Другие ученые считали, что в подобной ситуации следует применять наказуемость всего покушения (А.Я. Эстрин).

В отличие от предыдущего периода, когда не дифференцировались приготовление и покушение на преступление, УК РСФСР 1926 г. закрепил нормы о наказуемости приготовления и покушения. Следует отметить, что, по существу, теория и законодательные положения предопределили в основных чертах развитие концепции стадий преступления. Но в этом также просматривалось стремление упростить практику применения норм о неоконченных преступлениях. И все же отмечаем, что, несмотря на распространенное в юридической литературе мнение о существовании стадий совершения преступления, законодатель не дает определение понятия «стадия преступления» и даже не использует этот термин. Что касается общего обозначения различных форм неоконченной преступной деятельности, содержание понятия «стадии» (при разнообразии мнений ученых) отличалось лишь терминологически.

Довольно распространенным было предложение считать стадиями приготовления, покушение и оконченное преступление¹⁰. Была даже точка зрения отнести к стадии преступной деятельности обнаружение умысла (В.В. Домаков). По мнению этого автора, развитие преступной деятельности

представляет собой цепочку действий, которые проходят различные стадии возникновения возможности совершения преступления¹¹. Точка зрения достаточно спорная, которая, пожалуй, не столько проясняет, сколько осложняет проблему. Настойчивые возражения против выделения обнаружения умысла в качестве стадии совершения преступления мы встречаем у Б.А. Куринова, Н.И. Загородникова и др. Большинство советских ученых не относили голый умысел к стадиям совершения преступления, но подчеркивали важное значение обнаружения умысла. К лицам, выразившим намерение совершить преступление, в случае, если есть основания опасаться его осуществления, должны применяться профилактические меры.

В доктрине уголовного права советского периода давались различные определения понятия стадий преступления. Н.Ф. Кузнецова считала, что «стадии развития преступления – это ступенька, способствующая достижению преступного результата»¹². Подобных взглядов придерживался ряд известных ученых: Б.В. Здравомыслов, П.И. Гришаев, М.М. Блинова, Г.Г. Криволапов и другие.

Отметим, что трактовка видов преступления в качестве стадий имеет ряд недостатков, основным из которых является тот факт, что выделение стадий возможно только в отношении многоэтапных оконченных преступлений, например, отнесение оконченного преступления к третьей стадии совершения преступления не имеет уголовно-правового значения, поскольку оконченное преступление квалифицируется без учета норм о приготовлении и покушении.

В УК РСФСР 1960 г. уже различаются не стадии совершения преступления, а виды неоконченной преступной деятельности: приготовление, покушение и неоконченное преступление при добровольном отказе.

В доктрине уголовного права в качестве третьей стадии совершения преступления выделяется оконченное преступление, понятие которого было выработано теорией уголовного права.

В юридической литературе советского периода под оконченным преступлением понималось деяние, содержащее все признаки состава того преступления, на совершение которого был направлен умысел виновного. Однако подобная дефиниция не содержала четкого определения момента окончания преступления, так как речь шла о направленности умысла, а не о полной его реализации. Приготовлением к преступлению признавалось приискание средств или иное умышленное создание условий для совершения преступления. Объективная сторона приготовления характеризуется прерванностью действий до начала совершения преступления и наличием обстоятельств, которые препятствуют доведению преступления до конца. Однако, как справедливо отмечают авторы теоретической модели УК, эти признаки в УК 1960 г. пропущены и устанавливаются путем систематического толкования, т.е. за счет сравнения содержания частей 1 и 2 ст. 15 УК РСФСР. К признакам объективной стороны покушения ученые советской школы уголовного права относили: непосредственную направленность на совершение преступления, прерванность действий, наличие обстоятельств, в силу которых преступление не доводится до конца.

Субъективная сторона покушения в литературе рассматривается по-разному. Б.А. Куринов отмечает, что деяние при покушении с неопределенным умыслом должно квалифицироваться «как покушение на причинение наименее опасного из всех желаемых им последствий». Возможность покушения с неопределенным умыслом допускала

Е.С. Хорева¹³. Возможность покушения с косвенным умыслом допускал и И.И. Горелик, который считал, что виновный хотя и желает наступления преступного результата, но сознательно его допускает. Наличие косвенного умысла при покушении на преступление отмечают и другие ученые (В.В. Тихонов, Б.С. Утевский). Представляется, что более убедительным выглядит предвидение неизбежности наступления преступных последствий, что можно отнести к прямому, а не косвенному умыслу. При косвенном умысле преступный результат не предвидится как неизбежный, а лишь как возможно допустимый, т.к. лицо направляет свои действия на достижение не столько преступных последствий, сколько значимых для него результатов – как «побочный продукт» деятельности. Именно этот побочный продукт и оценивается законодателем как преступный.

Уголовное законодательство постреволюционного периода, в отличие от доктрины, выделявшей стадии преступления, регламентировало ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление, которые не рассматривались законодателем в качестве стадий совершения преступления. В дальнейшем концепция стадий получила развитие, когда к стадиям были отнесены не только приготовление и покушение, но и оконченное преступление. Делались попытки отнести к стадиям совершения преступления и обнаружение умысла. Но законодателем не было дано определение стадий, регламентировалась лишь ответственность за неоконченные виды преступлений: приготовление и покушение.

В теории уголовного права приготовление к преступлению рассматривалось как действие, предшествовавшее основному составу преступления и вместе с тем переходящее в стадию покушения на преступление.

Советское законодательство также не давало определения добровольного отказа и не выделяло его признаков. Законодательный пробел был восполнен теоретическими разработками, которые касались не только понятия, признаков и мотивов добровольного отказа, но и возможности осуществления добровольного отказа при приготовлении и покушении на преступление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Самохвалов Д.Я.* Курс истории уголовного права. М., 1908. С. 15–16.
- ² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6 / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., Юрлитиздат, 1988. – С. 175.
- ³ Декрет СНК «О взяточничестве» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 г. М.: Юридическая литература, 1953. – С. 25.
- ⁴ *Швеков Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс. – М., 1970. – С. 33.
- ⁵ *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. – С. 328.
- ⁶ Основные начала уголовного законодательства СССР. М.: Юрлитиздат, 1956. – С. 4.
- ⁷ *Шляпочников А.С.* Приготовление и покушение на преступление в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1937, №3.
- ⁸ *Познышев С.В.* Учебник уголовного права. Общая часть. – М., 1923. – С. 136.
- ⁹ *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. – С. 336.
- ¹⁰ *Иванов В.Д.* Ответственность за покушение на совершение преступления по советскому уголовному праву. Автореф. дисс. к.ю.н. – М., 1968. – С. 7.
- ¹¹ *Домаков В.В.* Этапы умышленной преступной деятельности и вопросы ответственности // Проблемы неотвратимости ответственности в уголовном праве и процессе. Сб. научных статей. – М., 1990. – С. 122–123.
- ¹² *Кузнецова Н.Ф.* Некоторые вопросы ответственности за приготовление или покушение по уголовному праву // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 120.
- ¹³ *Хорева Е.С.* Социальная обусловленность уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность // Совершенствование мер борьбы с преступностью. Ташкент. – 1989. – С. 23.

Аннотация

В статье рассматривается эволюция модели неоконченного преступления в уголовном праве советского периода. Исследован вопрос о наказании предварительных преступных действий – приготовления и покушения. Представлены различные точки зрения и взгляды ряда известных ученых и автора.

Ключевые слова: эволюция, модель неоконченного преступления, уголовная ответственность, наказание.

Summary

The article considers the points of evolution of the model of uncompleted crime in criminal law of the Soviet period. The problems of responsibility and punishment for the preliminary criminal actions – «attempts» and «preparation criminals» are investigated in the article. Several famous scientists' opinions upon the problem are introduced in the article too, so as the author's point of view.

Keywords: evolution, the model of uncompleted crime, responsibility and punishment for criminal actions.